

Николай Носов

ТУК-ТУК-ТУК

РАССКАЗЫ

Николай Носов

ТУК-ТУК-ТУК

РАССКАЗЫ

Иллюстрации Владимира Канивца

ЭКСМО
Москва
2012

Тук-тук-тук

Мы втроём — я, Мишка и Костя — приехали в пионерлагерь на день раньше всего отряда. У нас было задание: украсить помещение к приезду ребят. Мы сами просили нашего вожатого Витю отправить нас вперёд. Нам очень хотелось поскорей в лагерь.

Витя согласился и сам поехал с нами. Когда мы приехали, в доме уже заканчивалась уборка. Мы развесили на стенах плакаты, картины, которые привезли с собой, потом нарезали из разноцветной бумаги флажков, нанизали их на верёвочки и повесили под потолком. Потом нарвали в поле цветов, наделали из них букетов и расставили на окнах в банках с водой. Хорошо получилось!

Вечером вожатый Витя уехал обратно в город. Марья Максимовна, лагерный

сторож, которая жила рядом в маленьком домике, сказала, чтобы мы шли ночевать к ней, но мы не захотели. Мишка сказал, что мы ничего не боимся и будем ночевать одни в доме. Марья Максимовна ушла, а мы поставили во дворе самовар, сели на крыльчке и отдыхали. Хорошо было в лагере! Возле самого дома росли высокие рябины, а вдоль забора — огромные старые липы. На них множество круглых вороньих гнёзд.

Вороны кружились над липами и громко кричали. В воздухе гудели майские жуки.

Они носились в разные стороны, налетали на стены дома и шлёпались на землю. Мишка подбирал их и складывал в коробочку.

А потом солнышко скрылось за лесом, и облака на небе вспыхнули красным пламенем. Так красиво стало! Если бы у меня были краски, я бы тут же нарисовал картину: вверху красные облака, а внизу наш самовар. А от самовара поднимается дым прямо к облакам, как из паровой трубы.

Потом облака потухли и стали серые, как будто горы. Всё переменялось вокруг. Нам даже стало казаться, что мы попали каким-то чудом в другие края.

Самовар вскипел. Мы перенесли его в комнату, зажгли лампу и сели пить чай. В окно налетели ночные бабочки; они кружились вокруг лампы, будто плясали. Всё было как-то необыкновенно. Тихо так, только самовар на столе шумит. Мы сидим и чай пьём, сами себе хозяева.

После чая Мишка запер на крючок дверь и ещё верёвкой за ручку привязал.

— Чтоб не забрались разбойники, — говорит.

— Не бойся, — говорим мы, — никто не заберётся.

— Я не боюсь. Так, на всякий случай. И ставни надо закрыть.

Мы посмеялись над ним, но ставни всё-таки закрыли, на всякий случай, и стали укладываться спать. Сдвинули три кровати вместе, чтоб удобнее было разговаривать.

Мишка стал просить пустить его в середину. Костя говорит:

— Ты, видно, хочешь, чтоб разбойники сначала нас убили, а потом только до тебя добрались. Ну ладно, ложись.

Пустили его в середину. Но он всё равно, должно быть, боялся: взял в кухне топор и сунул его себе под подушку. Мы с Костей чуть со смеху не лопнули.

— Ты только нас не заруби по ошибке, — говорим. — А то примешь нас за разбойников и тянешь по голове топором.

— Не бойтесь, — говорит Мишка, — не тяпну!

Потушили мы лампу и стали в темноте рассказывать друг другу сказки. Сначала рассказал Мишка, потом я, а когда очередь дошла до Кости, он начал какую-то длинную страшную сказку про колдунов, про ведьм, про чертей и про Кощея Бессмертного. Мишка от страха закутался с головой в одеяло и стал просить Костю не рассказывать больше эту сказку. А Костя, чтоб поугагать Мишку, принялся ещё кулаками по сте-

не стучать и говорить, что это черти стучат. Мне самому сделалось страшно, и я сказал Косте, чтоб он перестал.

Наконец Костя унялся. Мишка успокоился и уснул. Стало тихо. Мы с Костей почему-то долго не могли уснуть. Лежим, прислушиваемся, как Мишкины жуки в коробке шуршат.

— Темно, как в погребе! — сказал Костя.

— Это потому, что ставни закрыты, — говорю я.

— А всё-таки мы храбрые! Не боимся одни ночевать! — говорит Костя.

Скоро чуточку посветлело. Стали видны щели в ставнях.

— Наверно, уже рассвет, — говорит Костя. — Теперь ночи совсем короткие.

— А может быть, луна взошла?

Наконец я задремал. Вдруг слышу сквозь сон:

Тук-тук-тук!

Я проснулся. Мишка и Костя спят. Я разбудил Костю.

— Кто-то стучит, — говорю.

— Кто же может стучать?

— А вот послушай.

Прислушались мы. Тихо. Потом снова:

Тук-тук-тук!

— В дверь стучат, — говорит Костя. — Кто же это?

Подождали мы. Не стучат больше.

«Может быть, показалось», — думаем.

Вдруг опять:

Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

— Тише, — шепчет Костя, — не надо отзываться. Может быть, постучит и уйдёт.

Подождали. Вдруг снова:

Тук-тук-тук! Тра-та-та-та!

— Ах, чтоб тебя разорвало! Не уходит! — говорит Костя.

— Может быть, это из города кто-нибудь приехал? — говорю я.

— Зачем же в такую поздноту ездить?
Подождём. Если постучат ещё, спросим.

Ждём. Никого нет.

— Наверно, ушёл, — говорит Костя.

Только мы было успокоились, вдруг снова:

Тра-та-та-та!

Я подскочил в постели от неожиданности.

— Пойдём, — говорю, — спросим.

— Пойдём.

Подкрались мы к двери.

— Кто там? — спрашивает Костя.

Тихо. Никто не отвечает.

— Кто там?

Молчит.

— Кто там?

Никакого ответа.

— Наверно, ушёл, — говорю я.

Пошли мы обратно. Только отошли от двери:

Тук-тук-тук! Трах-та-тах!

Бросились снова к дверям:

— Кто там?

Молчит.

— Что он, глухой, что ли? — говорит Костя.

Стоим мы, прислушиваемся. За дверью будто об стенку кто-то трётся.

— Кто там?

Ничего не отвечает.

Отошли мы от двери. Вдруг снова:

Тук-тук-тук!

Забрались мы на кровать и дышать боимся. Сидели, сидели — не стучит больше. Легли. Думаем: не будет больше стучать.

Тихо. Вдруг слышим — шуршит по крыше. И вдруг по железу:

Бух-бух-бух! Трах!

— На крышу забрался! — прошептал Костя.

Вдруг с другой стороны:

Бум-бум-бум! Бах!

— Да тут не один, а двое! — говорю я. — Что ж это они, крышу разобрать хотят?

Вскочили мы с кровати, закрыли дверь в соседнюю комнату, откуда был ход на чердак. К двери стол придвинули и ещё другим столом и кроватью подпёрли. А на крыше всё стучат: то один, то другой, то вместе разом. И ещё третий к ним прибавился. И ещё кто-то снова в дверь колотить начал.

— Может быть, это кто-нибудь нарочно, чтоб напугать нас, — говорю я.

— Выйти, — говорит Костя, — да наkostenять им по шее, чтоб не мешали спать!

— Ещё нам, — говорю, — наkostenяют. Вдруг их там человек двадцать!

— А может, это и не люди!

— А кто же?

— Черти какие-нибудь.

— Брось, — говорю, — сказки рассказывать! И без сказок страшно!

А Мишка спит и ничего не слышит. Ему хоть бы что!

— Может быть, разбудить его? — спрашиваю.

— Не надо. Пусть пока спит, — говорит Костя. — Знаешь, какой он трус. До смерти перепугается.

Устали мы, прямо с ног валимся. Спать хочется! Костя забрался в постель и говорит:

— Надоела мне вся эта музыка! Пусть там себе хоть головы расшибут на крыше. Очень мне нужно обращать внимание.

Я вытащил у Мишки из-под подушки топор, положил его рядом с собой в кровать и тоже прилёг отдохнуть. Стук на крыше становился всё чаще и тише. Мне стало казаться, что это дождь по крыше стучит, и я не заметил, как снова уснул.

Утром просыпаемся от страшного стука. Во дворе шум и крик.

Я схватил топор, подбежал к двери.

— Кто там? — спрашиваю.

И вдруг слышу голос Вити, вожатого:

— Откройте, ребята! Что там с вами случилось? Полчаса достучаться не можем.

Я открыл дверь. Все ребята гурьбой ввалились в комнату. Витя увидел топор.

— Зачем топор? — спрашивает. — И что у вас за разгром такой?

Мы с Костей стали рассказывать, что здесь ночью случилось. Но никто нам не ве-

рил, все смеялись над нами и говорили, что это нам с перепугу показалось. Мы с Костей чуть не плакали от обиды. Вдруг сверху послышался стук.

— Тише! — закричал Костя и поднял палец кверху.

Ребята умолкли и стали прислушиваться.

Тук-тук-тук! — стучало что-то по крыше.

Ребята застыли от удивления. Мы с Костей открыли дверь и потихоньку вышли во двор. Все пошли за нами. Мы отошли от дома в сторону и взглянули на крышу. Там сидела обыкновенная ворона и что-то клевала.

Тук-тук-тук! Бух-бух! — стучала она по железу клювом.

Ребята увидели ворону и расхохотались так громко, что ворона захлопала крыльями и улетела. Ребята сейчас же притащили лестницу; несколько человек забрались на крышу посмотреть, что там клевала ворона.

— Здесь прошлогодние ягоды рябины лежат. Наверно, вороны клюют их и стучат по крыше! — закричали ребята.

— Откуда же здесь ягоды рябины берутся? — говорим мы.

— Да тут ведь вокруг рябины растут. Вот ягоды прямо на крышу и падают.

— Постойте, а в дверь-то кто стучал? — говорю я.

— Да, — говорит Костя, — зачем это воронам понадобилось в дверь стучать? Вы

ещё скажете, что вороны нарочно в дверь стучали, чтоб мы их переночевать пустили.

На это никто не мог ничего ответить. Все побежали на крыльцо и стали осматривать дверь. Витя поднял с крыльца ягоду и сказал:

— Они и не стучали в дверь. Они клевали на крыльце ягоды, а вам показалось, что стучат в дверь.

Мы посмотрели: на крыльце валялось несколько ягод рябины.

— Храбрецы! — смеялись над нами ребята. — Втроём испугались вороны!

— И совсем не втроём, а вдвоём, — говорю я, — Мишка спал как убитый и ничего не слышал.

— Молодец, Мишка! — закричали ребята. — Значит, ты один не боялся вороны?

— Я ничего не боялся, — ответил Мишка. — Я спал и ничего не знаю.

С тех пор все считают Мишку храбрецом, а нас с Костей трусами.

Огородники

Через день после того, как мы приехали в пионерлагерь, наш вожатый Витя сказал, что у нас будет свой огород. Мы собрались и стали решать, как будем обрабатывать землю и что сажать. Решили поделить землю на участки и чтобы на каждом участке бригада из двух человек работала. Сразу будет видно, кто впереди, а кто отстаёт. Отстающим решили помогать, чтобы вся земля была хорошо обработана и дала большой урожай.

Мы с Мишкой попросили записать нас в одну бригаду. Мы ещё в городе условились, что будем работать вместе и рыбу ловить вместе. Всё у нас было общее: и лопаты, и удочки.

— Ребята, — сказал Вадик Зайцев, — я предлагаю сделать красное знамя и на нём написать: «Лучшему огороднику». Кто

первый вскопает участок, у того на участке поставим знамя.

— Правильно, — согласились ребята. — А потом будем за это знамя бороться. Кто лучше проведёт посадку, к тому перейдёт на участок знамя. Потом знамя будем передавать за прополку. А у кого окажется самый большой урожай, тому подарим осенью это знамя, и пусть он везёт его с собой в город.

Мы с Мишкой решили бороться за красное знамя.

— Как возьмём его в самом начале, так до конца не выпустим и домой увезём, — говорил Мишка.

Наш огород был недалеко от реки. Мы измерили землю рулеткой, наметили участки и вбили колышки с номерами. Нам с Мишкой достался двенадцатый участок. Мишка тут же стал кричать, что нам самый плохой участок дали.

— Да чем он плохой? — спрашивает Витя.

— Дырка вон тут в земле!

— Ну, что это за дырка! — засмеялся Витя. — Лошадь копытом продавила.

— И пень вон торчит, — говорит Мишка.

— И на других участках есть пни, посмотри.

Но Мишка уже никуда смотреть не хотел и кричал:

— Его ведь из земли выковыривать надо!

— Что ж, выкорчуете. Сами не справитесь, ребята помогут.

— Уж если возьмёмся — справимся, — обиделся Мишка. — Ещё и ребятам поможем, на буксир кого надо возьмём.

— Вот и хорошо, — сказал Витя.

Все ребята стали вскапывать землю. И мы с Мишкой стали копать.

Мишка то и дело бегал смотреть, сколько другие ребята вскопали. Я говорю ему:

— Ты не бегай, работай, а то мы меньше всех вскопаем.

— Ничего, — говорит, — я ещё поднажму.

И стал поднажимать. Поднажмёт, поднажмёт и снова убежит куда-нибудь.

В этот день мы мало работали. Скоро вожатый Витя позвал всех обедать. После обеда мы с Мишкой схватили лопаты и снова хотели на огород бежать, но Витя не позволил. Он сказал:

— Работать будем только до обеда. После обеда — отдыхать, а то у нас найдутся такие ребята, которые в первый же день перетрутся и потом не смогут работать.

На следующее утро мы раньше всех примчались на огород и стали копать. Потом Мишка выпросил у Вити рулетку и принялся землю мерять, сколько у нас на участке вскопано да сколько осталось. Покопает немного и снова меряет. И всё ему кажется мало.

Я говорю:

— Конечно, будет мало, если я один копаю, а ты только меряешь!

Он бросил рулетку и стал копать. Только недолго копал. Корень ему в земле попался, так он этот корень стал из земли выдирать. Драл его, драл, весь участок разворотил. Даже на соседний участок залез и там выдирает этот корень.

— Да брось ты его, — говорю. — Чего ты к нему привязался?

— Я, — говорит, — думал, что он короткий, а он вон какой длинный, как удав.

— Ну и перестань с ним возиться!

— Да должен же он где-нибудь кончиться!

— А тебе будто не всё равно?

— Нет, — говорит, — я такой человек: если за что-нибудь взялся, обязательно до конца сделаю.

И снова ухватился руками за корень. Тогда я рассердил-

ся, подошёл и отрубил этот корень лопатой. А Мишка корень рулеткой измерил и говорит:

— Ого! Шесть с половиной метров! А если бы ты не отрубил, так он, может быть, метров двадцать был бы!

Я говорю:

— Если бы я знал, что ты так будешь работать, то с тобой бы не связывался.

А он:

— Можешь отдельно. Я же тебя не заставляю.

— Как же теперь отдельно, когда у нас столько вскопано! Вот не получим из-за тебя красного знамени.

— Почему — не получим? Ты посмотри, сколько у Вани Ложкина и Сени Боброва. Ещё меньше нашего.

Он побежал на участок Вани и Сени и стал над ними смеяться:

— Эх, вы! Придётся вас на буксир брать!

А они его прогоняют:

— Смотри, как бы тебя не взяли!

Я говорю:

— Чудак ты! Над другими смеёшься, а сам сколько сделал? И чего я только с тобой связался!

— Ничего, — говорит, — я одну штуку придумал. Завтра знамя будет на нашем участке.

— С ума, — говорю, — сошёл! Тут на два дня работы, а с тобой и четыре провозишься.

— Вот увидишь, я потом тебе расскажу.

— Ты лучше работай. Всё равно земля сама не вскопается.

Он взял лопату, но тут Витя сказал, чтобы все шли обедать. Ну, Мишка лопату на плечо и помчался впереди всех в лагерь.

После обеда Витя стал красный флаг делать, а мы все ему помогали: кто палку строгал, кто материю подшивал, кто разводил краски. Флаг получился красивый. Палку выкрасили золотой краской, а на красной материи Витя написал серебряными буквами: «Лучшему огороднику».

Мишка сказал:

— Давайте ещё пугало сделаем, чтоб вороны огород не клевали.

Эта затея всем очень понравилась. Взяли мы жердь и к ней крест-накрест палку привязали, достали старый мешок и сшили из него рубаху. Потом натянули эту рубаху на жердь, а сверху глиняный горшок надели. На горшке Мишка нарисовал углём нос, рот, глаза. Страшная рожа получилась! Поставили это пугало посреди двора. Все смотрели на него и смеялись.

Мишка отвёл меня в сторону и говорит:

— Вот что я придумал: давай, когда все лягут спать, удерём на огород и вскопаем свой участок. Оставим на утро кусочек маленький, завтра быстро вскопаем и получим знамя.

Я говорю:

— Если бы ты работал! А то ведь с разными пустяками возишься.

— Я буду хорошо работать, вот увидишь!

— Ну ладно, только если ты снова возьмёшься за старое, брошу всё и уйду.

Вечером все легли спать. И мы с Мишкой легли, только для виду. Я уже начал дремать. Вдруг меня Мишка толкает в бок:

— Вставай! А то не видать нам знамени, как своих ушей!

Встал я. Мы вышли так, чтобы никто нас не видел. Взяли лопаты и пошли на огород. Луна светила, и всё было видно. Пришли на огород.

— Вот наш участок, — говорит Мишка. — Видишь, и пень торчит.

Стали мы копать. На этот раз Мишка хорошо работал, и мы много вскопали. Дошли до пня и решили его выкорчевать. Обкопали со всех сторон и стали из земли тащить. Тащили, тащили, а он не лезет. Пришлось обрубать корни лопатой. Устали, как лошади! Всё-таки вытащили. Землю заровняли, а пень Мишка на соседний участок бросил.

Я говорю:

— Это ты нехорошо сделал!

— А куда его девать?

— Нельзя же на чужой участок!

— Ну, давай его в реку бросим!

Взяли мы пень и потащили к реке. А он тяжёлый! Насилу дотащили — и бултых в воду! Он поплыл по реке, как будто спрут или осьминог какой. Мы посмотрели ему вслед и пошли домой. Больше в этот раз уже не могли работать, устали очень. Да нам совсем небольшой кусочек осталось вскопать.

Утром проснулись мы позже всех. Всё тело у нас болит: руки болят, ноги болят, спина болит.

— Что это? — спрашивает Мишка.

— Перетрудились, — говорю, — слишком много работали.

Встали мы, размялись немного. За завтраком Мишка стал перед ребятами хвастать, что красное знамя достанется нам.

После завтрака все помчались на огород, а мы с Мишкой пошли не спеша. Куда нам

спешить! Пришли на огород. Все, как кро-
ты, роются, а мы ходим да посмеиваемся.

— Не видать вам знамени, — говорим, —
как своих ушей!

Ребята отвечают:

— Вы бы работали! Только другим ме-
шаете.

Тут Мишка говорит:

— А это вот чей участок? Совсем мало
вскопано. И хозяев нет. Наверно, дрыхнут
ещё!

Я посмотрел:

— Номер двенадцатый. Да это ведь наш
участок!

— Не может быть, — говорит Мишка. —
Мы больше вскопали.

— Мне, — говорю, — тоже казалось, что
больше.

— Может быть, нарочно кто-нибудь но-
мерки переменял?

— Нет, всё правильно. Вот одиннадцатый, а там тринадцатый.

Смотрим, и пень торчит. Мы растерялись даже.

— Послушай, — говорю я. — Если это наш участок, то откуда же пень взялся? Мы ведь его уже выкорчевали!

— Правда, — говорит Мишка. — Не мог же за ночь новый пень вырасти.

Вдруг слышим, Ваня Ложкин на своём участке кричит:

— Ребята, смотрите, какое чудо! У нас тут вчера пень был, а сегодня нету. Куда он делся?

Все побежали на это чудо смотреть. Подошли и мы с Мишкой.

«Что такое! — думаем. — Вчера у них и до половины не было вскопано, а сегодня совсем небольшой кусочек остался».

— Мишка, — говорю я, — да это ведь мы ночью по ошибке на их участке работали и пень им выкорчевали!

— Да что ты!

— Верно!

— Ах мы, ослы! — говорит Мишка. — Да что же нам теперь делать? По правилу, они должны нам свой участок отдать, а себе пусть берут наш. Что мы, даром у них работали?

— Молчи! — говорю. — Хочешь, чтоб над нами весь лагерь смеялся?

— Что же делать?

— Копать, — говорю, — вот что!

Схватили мы лопаты. Да не тут-то было: руки болят, ноги болят, спина не разгибается.

Скоро Ваня Ложкин и Сенька Бобров на своём участке работу кончили. Витя поздравил их и отдал им красное знамя.

Они поставили его посреди участка. Все собрались вокруг и в ладоши захлопали.

Мишка говорит:

— Это неправильно!

— Почему неправильно? — спрашивает Витя.

— Потому и неправильно, что за них кто-то пень выкорчевал. Они сами сказали.

— А мы виноваты? — говорит Ваня. — Может быть, его кто-нибудь себе на дрова выкорчевал. Разве мы запрещать будем?

— А может быть, его кто-нибудь по ошибке вместо своего выкорчевал, — ответил Мишка.

— Тогда бы он здесь был, а его нигде нет, — сказал Ваня.

— А может быть, они его в реку бросили, — говорит Мишка.

— Ну что ты пристал: «может быть» да «может быть»!

— Может быть, вам и участок кто-нибудь ночью вскопал, — не унимался Мишка.

Я его толкаю, чтоб он не проговорился. Ваня говорит:

— Всё может быть. Мы землю не меряли.

Пошли мы на свой участок и стали копать. А Ваня и Сенька стали рядом и хихикают.

— Вот работают! — говорит Сенька. — Будто во сне мочалку жуют.

— Надо их на буксир взять, — сказал Ваня. — У них ведь меньше всех вскопано.

Ну и взяли нас на буксир. Помогли нам копать и пень выкорчевать. Всё равно мы позже всех кончили.

Ребята говорят:

— Давайте на их участке, как на отстающем, поставим пугало.

Все согласились и поставили пугало на нашем участке. Мы с Мишкой обиделись. А ребята говорят:

— Добивайтесь, чтоб ваш участок стал лучшим, когда посадка и прополка будут, тогда и уберём с вашего огорода пугало.

Юра Козлов предложил:

— Давайте пугало ставить отстающим.

— Давайте, — обрадовались все.

— А осенью подарим тому, у кого будет самый плохой урожай, — говорит Сенька Бобров.

Мы с Мишкой решили стараться изо всех сил, чтоб отделаться от этого пугала. Только у нас так ничего и не получилось. Всё лето простояло оно на нашем участке, потому что на посадке Мишка всё перепутал и посадил свёклу там, где уже была морковь посажена, а при прополке вместо сорняков петрушку повыдергал. Пришлось на этом месте в спешном порядке редиску посадить. Сколько раз я хотел отделиться от Мишки, да никак не мог. «Кто же, — думаю, — в беде товарища покидает!» Так и маялся с ним до конца.

Зато осенью красное знамя нам с Мишкой досталось. У нас самый большой урожай помидоров и кабачков оказался.

Ребята стали спорить.

— Это неправильно! — говорили они. — Всё время были отстающие, и вдруг самый большой урожай!

Но Витя сказал:

— Ничего, ребята, всё правильно. Хоть они и отставали, но землю хорошо обрабатывали, старались и добивались, чтоб большой урожай был.

Ваня Ложкин сказал:

— У них земля была хорошая. А вот нам с Сеней скверная земля попалась. И урожай маленький, хоть мы и старались. За что же нам пугало подарили? Пусть они тогда и пугало берут себе, раз оно у них всё лето стояло.

— Ничего, — говорит Мишка, — мы возьмём и пугало. Давайте его сюда.

Все засмеялись, а Мишка сказал:

— Если б не это пугало, то мы и знамени не получили бы.

— Это почему же? — удивились все.

— Потому что на нашем участке оно ворон пугало, а на других вороны не боялись, вот и урожай получился меньше. И потом, из-за этого пугала мы не забывали, что нам надо стараться и работать лучше.

Я говорю Мишке:

— Зачем ты взял это пугало? Для чего оно нам?

— Ну, давай его в реку бросим, — говорит Мишка.

Взяли мы пугало и бросили в реку. Оно поплыло по реке, растопыбив руки. Мы посмотрели ему вслед и стали в него камнями бросать. А потом пошли в лагерь.

В тот же день Лёшка Курочкин снял нас фотоаппаратом вместе со знаменем. Так что если кому-нибудь хочется карточку, мы можем прислать.

Про Гену

Гена был, в общем, хороший мальчик. Ничего себе паренёк. Как говорится, не хуже других детишек. Вполне здоровый, румяный, лицо кругленькое, нос кругленький, вся голова, в общем, кругленькая. А шея у него была короткая. Совсем почти шеи не было. То есть шея, конечно, у него имелась, но её можно было разглядеть только летом, когда Гена ходил в майке или в рубашке с открытым воротом. А зимой, когда он надевал тёплую курточку или пальто, шеи не было видно, и казалось, что его круглая голова лежала прямо на плечах, словно арбуз на блюде. Но это, конечно, не такая уж большая беда, потому что у многих ребят, пока они ещё маленькие, шея бывает коротенькая, а когда они подрастут, то и шея становится длинней.

В общем, это был не такой уж большой недостаток.

Главный недостаток Гены заключался в том, что он любил иногда приврать. То

есть он не то чтобы врал, как говорится, без зазрения совести. Нет, этого за ним не водилось. Вернее сказать, он не всегда говорил правду.

Впрочем, с кем этого не бывает! Иной раз хоть не хочешь, а соврѣшь и даже сам не заметишь, как это вышло.

А учился Гена ничего себе. Как говорится, не хуже других. В общем, неважно учился. Были у него в дневнике тройки, иногда попадались и двойки. Но это, конечно, только в те дни, когда папа и мама ослабляли своё внимание и не очень следили, чтоб он вовремя делал уроки.

Но главное, как уже сказано, было то, что он иногда говорил неправду, то есть врал иногда так, что себя не помнил. За это один раз он даже был крепко наказан.

Случилось это зимой, когда в его школе проводили сбор металлического лома. Ребята задумали помочь государству и собирать металлический лом для заводов. Они даже решили соревноваться между собой, кто соберёт больше, а победителей помещать на Доску почёта.

Гена тоже решил соревноваться. Но в первый день, когда он отправился за металлическим ломом, он встретил во дворе своего друга Гошу.

Этот Гоша был худенький, маленький мальчик, чуть ли не на целый год младше Гены. Но Гена с ним очень дружил, потому

что Гоша был умный и всегда придумывал что-нибудь интересное.

Так случилось и на этот раз. Увидев Гену, Гоша спросил:

— Ты куда это разогнался?

— Иду собирать металлический лом, — сказал Гена.

— Пойдём лучше с ледяной горки кататься. В соседнем дворе ребята хорошую горку сделали.

Они отправились в соседний двор и принялись кататься с горки. Санок у них не было, поэтому они съезжали попросту на ногах. Только это было не очень удобно, потому что каждый раз приходилось ехать сначала стоя, а потом уже лёжа на животе, а иной раз и на спине.

Наконец Гоша сказал:

— Так кататься невыгодно. Можно расквасить нос. Пойди-ка ты лучше домой за санками. У тебя ведь есть санки.

Гена пошёл домой, пробрался на кухню и взял санки. Мама увидела и говорит:

— Зачем санки? Ты ведь пошёл собирать лом.

— А я буду возить лом на санках, — объяснил Гена. — Он ведь тяжёлый. В руках много не унесёшь, а на санках гораздо легче.

— А, — сказала мама. — Ну иди.

Целый день Гена катался с Гошей на санках и только к вечеру вернулся домой. Всё пальто у него было в снегу.

— Где же ты пропадал столько времени? — спросила мама.

— Собирал лом.

— Неужели для этого надо было так изваляться в снегу?

— Ну, это мы на обратном пути с ребятами немножко в снежки поиграли, — объяснил Гена.

— Ничего себе — немножко! — покачала головой мама.

— А много ты собрал лому? — спросил Гену папа.

— Сорок три килограмма, — не задумываясь, соврал Гена.

— Молодец! — похвалил папа и стал высчитывать, сколько это будет пудов.

— Кто же теперь на пуды считает? — сказала мама. — Теперь все считают на килограммы.

— А мне на пуды интересно, — ответил папа. — Когда-то я работал в порту грузчиком. Приходилось носить бочонки с треской. В каждом бочонке по шесть пудов. А сорок три килограмма — это почти три пуда. Как же ты дотащил столько?

— Я ведь не носил, а на санках, — ответил Гена.

— Ну, на санках, конечно, легче, — согласился отец. — А другие ребята сколько собрали — больше, чем ты, или меньше?

— Меньше, — ответил Гена. — Кто тридцать пять килограммов, кто тридцать. Только один мальчик собрал пятьдесят килограммов, и ещё один мальчик собрал пятьдесят два.

— Ишь ты! — удивился папа. — На девять килограммов больше, чем ты.

— Ничего, — сказал Гена. — Завтра я тоже на первое место выйду.

— Ну ты не особенно надрывайся там, — сказала мама.

— Зачем — особенно! Как все, так и я.

За ужином Гена ел с большим аппетитом. Глядя на него, папа и мама радовались. Им всегда почему-то казалось, что Гена ест

мало и от этого может похудеть и заболеть. Увидев, как он уписывает за обе щеки гречневую кашу, отец потрепал его рукой по голове и, засмеявшись, сказал:

— Поработаешь до поту, так и поешь в охоту! Не так ли, сынок?

— Конечно, так, — согласился Гена.

Весь вечер отец и мать говорили о том, как хорошо, что теперь в школе приучают детей к труду.

Папа сказал:

— Кто с малых лет приучится трудиться, тот вырастет хорошим человеком и никогда не будет на чужой шее сидеть.

— А я и не буду на чужой шее сидеть, — сказал Гена. — Я на своей буду сидеть шее.

— Вот, вот! — засмеялся папа. — Ты у нас хороший мальчик.

Наконец Гена лёг спать, а папа сказал маме:

— Знаешь, что мне больше всего нравится в нашем мальчике — это его честность. Он мог бы наврать с три короба, мог сказать, что собрал больше всех лома, а он откровенно признался, что двое ребят собрали больше его.

— Да, он у нас мальчик честный, — сказала мама.

— По-моему, воспитывать в детях честность — важнее всего, — продолжал папа. — Честный человек не соврёт, не обманет, не подведёт товарища, не возьмёт чужого

и трудиться будет исправно, не станет сидеть сложа руки, когда другие работают, потому что это значит быть паразитом и поедать чужой труд.

На другой день Гена явился в школу, и учительница спросила, почему он не пришёл вчера собирать лом. Не моргнув глазом, Гена ответил, что ему не разрешила мама, так как у него заболела сестрёнка воспалением лёгких и он должен был пойти в больницу, чтоб отнести ей апельсин, а без апельсина она будто бы не могла выздороветь. Почему ему пришло в голову наврать про больницу, про сестрёнку, которой у него вовсе не было, и вдобавок про апельсин, — это никому не известно.

Придя из школы домой, он пообедал сначала, потом взял саночки, сказал маме, что идёт собирать лом, а сам снова отправился кататься на горку. Вернувшись к вечеру домой, он опять принялся сочинять, кто из ребят сколько собрал лому, кто вышел на первое место, кто на последнее, кто ударник, кто отличник, кто просто передовик.

Так было каждый день. Уроки Гена совсем перестал делать. Ему не до того было. В дневнике у него начали появляться двойки. Мама сердилась и говорила:

— Это всё из-за лома! Разве можно заставлять детей столько трудиться? Ребёнку совсем некогда делать уроки! Надо будет пойти в школу и поговорить с учительни-

цей. Что они там себе думают? Одно из двух: пусть или учатся, или лом собирают! Иначе ничего не выйдет.

Однако ей всё было некогда, и она никак не могла собраться пойти в школу. Папе она боялась говорить про плохие отметки Гены, потому что папа всегда расстраивался, когда узнавал, что его сын скверно учится. Ничего не подозревая, он каждый вечер с интересом расспрашивал Гену о его трудовых успехах и даже записывал в свою записную книжечку, сколько он собрал за день лома. Гена для большего правдоподобия сочинял разные небылицы. Сочинил даже, что учительница Антонина Ивановна поставила его в пример всему классу и поместила его фамилию на Доску почёта.

Наконец наступил день, когда Гена получил самую скверную отметку, которая только бывает на свете, то есть единицу, да ещё по такому важному предмету, как русский язык. Он, конечно, ничего не сказал маме, а просто взял санки и отправился «собирать лом», то есть это он только так говорил, что идёт собирать лом, а на самом деле пошёл, как всегда, кататься.

Когда он ушёл, мама вспомнила, что не проверила его отметки. Она достала из сумки дневник и увидела, что у него там «кол», то есть, попросту говоря, единица.

— Эге! — с досадой сказала она. — Это, наконец, возмутительно! Что они там себе

в школе думают! Ребёнок единицы приносит, а у них только лом на уме!

Оставив все свои дела, она поспешила в школу.

На её счастье, Антонина Ивановна ещё не ушла. Увидев Генину маму, она сказала:

— Вот хорошо, что вы пришли. Я вас вызвала, чтоб поговорить об успехах Гены.

— Как это вы меня вызвали? — удивилась Генина мама. — Меня никто не вызывал. Я сама пришла.

— Разве вы не получили мою записку? — спросила учительница.

— Нет.

— Странно! — сказала Антонина Ивановна. — Я ещё позавчера велела Гене передать вам записку.

— Может быть, вы ошиблись? Вы, наверно, кому-нибудь другому велели, а не Гене.

— Нет. Как же я могла ошибиться?

— Почему же Гена не передал мне?

— Надо будет у него об этом спросить, — сказала Антонина Ивановна. — А сейчас я хотела выяснить, почему Гена стал хуже учиться. Мне непонятно, почему он дома уроки не делает.

— Что же здесь непонятного? — усмехнулась Генина мама. — Сами заставляете детей собирать лом, а потом удивляетесь, почему дети уроки не делают.

— При чём же здесь лом? — удивилась учительница.

— Как — при чём? Когда же им делать уроки, если нужно лом собирать? Вы бы сами подумали.

— Что-то я вас не совсем понимаю. Мы не перегружаем учащихся этой работой. В сборе металлолома они участвуют один раз в неделю. Это не может повредить их занятиям.

— Ха-ха-ха! Раз в неделю! — засмеялась Генина мама. — Да они каждый день собирают. Гена собрал почти целую тонну.

— Кто вам сказал?

— Гена.

— Ах так! Если хотите знать, то ваш Гена не то что тонну, а ни килограмма не соб-

рал, ни грамма, ни полграмма! — с возмущением сказала учительница.

— Как вы можете так говорить! — вспыхнула Генина мама. — Он мальчик честный, он не станет обманывать. Вы ведь сами поставили его в пример всему классу и повесили на Доску почёта.

— На Доску почёта?! — воскликнула Антонина Ивановна. — Как же я могла поместить Гену на Доску почёта, если он даже ни разу не участвовал в сборе металлолома?! В первый раз сказал, что у него заболела сестрёнка воспалением лёгких... У вас болела дочь воспалением лёгких?

— Какая дочь? У меня нет никакой дочери!

— Вот видите! А Гена сказал — заболела сестрёнка воспалением лёгких и мама послала в больницу отнести апельсин.

— Ну подумайте только! — сказала мама. — Выдумал апельсин какой-то. Значит, он всё время меня обманывал! Наверное, и сегодня не пошёл собирать лом?

— Кто же сегодня собирает лом! — ответила учительница. — Сегодня четверг, а сбор лома проводится у нас по субботам. В субботу мы нарочно отпускаем ребят пораньше.

От волнения Генина мама даже забыла попрощаться с учительницей и бросилась поскорей домой. Она не знала, что думать, что делать. От горя у неё даже заболела

ла голова. Когда вернулся с работы Генин папа, мама сейчас же рассказала ему обо всём. Услышав такую новость, папа ужасно расстроился и разволновался.

Мама принялась успокаивать его, но он не хотел успокаиваться и метался по комнате, как разъярённый тигр.

— Подумать только! — кричал он, хватаясь за голову руками. — Значит, он только и делал, что катался на санках, а нам говорил, что ходит собирать лом. Так врать, а! Хорошо воспитали сыночка, нечего сказать!

— Но мы же не учили его обманывать! — сказала мама.

— Этого ещё не хватало! — ответил папа. — Ну, пусть он только вернётся, я ему покажу!

Однако Гена долго не приходил. В этот день он ушёл со своим другом Гошей далеко, в парк культуры, и они катались там на берегу реки с откосов. Это было очень увлекательное занятие, и они никак не могли накататься досыта.

Было совсем поздно, когда Гена наконец явился домой. Он с головы до ног извалялся в снегу и дышал от усталости, словно лошадь. Его круглое

лицо так и пылало жаром, шапка налезла на глаза, и, для того чтоб хоть что-нибудь видеть, ему приходилось запрокидывать назад голову.

Мама и папа тут же подбежали к нему и стали помогать снять пальто, а когда сняли, от Гены повалил кверху пар.

— Бедненький! Ишь как натрутился-то! — сказал папа. — У него вся рубашка мокрая!

— Да, — сказал Гена. — Сегодня я сто пятьдесят килограммов железа собрал.

— Сколько, сколько?

— Сто пятьдесят.

— Ну, герой! — развёл руками отец. — Надо подсчитать, сколько всего получится.

Папа взял свою записную книжечку и стал подсчитывать:

— В первый день ты собрал сорок три килограмма, на следующий ещё пятьдесят, — вместе девяносто три, на третий день шестьдесят четыре — получится сто пятьдесят семь, потом ещё шестьдесят девять — это будет... это будет...

— Двести двадцать шесть, — подсказал Гена.

— Правильно! — подтвердил папа. — Считаем дальше...

Так он считал, считал, и у него получилась целая тонна, да ещё с лишним.

— Смотри, — с удивлением сказал он. — Целую тонну железа собрал! Это ж надо! Кто же ты теперь у нас?

— Наверное, отличник или ударник, не знаю точно, — ответил Гена.

— Не знаешь? А я знаю! — закричал вдруг отец и стукнул кулаком по столу. — Ты плут! Мошенник! Трутень ты, вот кто! Ту-неядец!

— Какой ту-тунейдец? — заикаясь от испуга, спросил Гена.

— Не знаешь, какие тунейдцы бывают?

— Не-не-не знаю.

— Ну, это те, которые сами не трудятся, а норовят устроиться так, чтоб за них другие работали.

— Я не норовлю... не норовлю, — пролепетал Гена.

— Не норовишь? — закричал отец страшным голосом. — А кто каждый день на санках катается, а дома врёт, будто лом собирает? Где записка? Признавайся, негодный!

— Какая за-за-записка?

— Будто не знаешь! Записка, которую тебе Антонина Ивановна дала.

— У меня нет.

— Где же она?

— Я её в мусоропровод выбросил.

— А, в мусоропровод! — загремел отец и стукнул кулаком по столу с такой силой, что зазвенела посуда. — Тебе для того дали записку, чтоб ты её в мусоропровод бросал?

— Ну, успокойся, пожалуйста, — взмолилась мама. — До смерти перепугаешь ребёнка.

— Перепугаешь его! Как же! Он сам кого хочешь перепугает. Подумать только — так врать! Тонну железа собрал! На Доску почёта повесили! Это же позор! Как я буду людям в глаза смотреть!

— Зачем же кричать? Его наказывать надо, а кричать — это непедагогично. У ребёнка может пропасть аппетит, — сказала мама.

— Думаю, что аппетит у него не пропадёт, — сказал папа, — а что его наказывать следует, это я и сам знаю.

Папа ещё долго стыдил Гену. Гена просил у него прощения, клялся, что теперь ни за что не будет на санках кататься и всегда будет собирать лом. Но отец не согласился его простить. Кончилось дело тем, что Гена был крепко наказан. Как был наказан, говорить ни к чему. Каждый сам знает, какие наказания бывают. В общем, наказали его, и всё.

А в этот год Гена на самом деле уже не катался больше на санках, так как зима скоро кончилась и снег растаял. Но и железный лом ему тоже не пришлось собирать, потому что учебный год подошёл к концу и ребятам нужно было усиленно заниматься, чтоб перейти в следующий класс с хорошими отметками. У них в школе в этот год никто больше не собирал железного лома.

Приключения Толи Клюквина

Ученик четвёртого класса школы № 36 Толя Клюквин вышел из дома № 10 на Демьяновской улице и, свернув в Третий Каширский переулок, зашагал к своему другу Славе Огонькову, который жил на Ломоносовской улице, в доме № 14. Ещё вчера с вечера друзья условились встретиться сегодня утром и поиграть в шахматы. Они оба увлекались этой игрой и способны были играть с утра до вечера. Такая на них полоса нашла.

Толя очень спешил, потому что обещал своему другу прийти к десяти часам утра, но уже было гораздо больше, так как Толя по своей неорганизованности замешкался дома и не успел выйти вовремя. А тут

ещё, как это всегда бывает, когда поскорей надо, на улице произошла задержка. Он уже был в конце Третьего Каширского переуллка, как вдруг из-за забора вылезла серая кошка и остановилась с явным намерением перебежать Толе дорогу.

— А-кши! Брысь сейчас же! — закричал Толя на кошку и, чтоб испугать её, нагнулся, делая вид, будто хочет поднять с земли камень.

Это действительно испугало кошку, но, вместо того чтоб бежать назад, она бросилась через дорогу и скрылась за воротами дома на противоположной стороне улицы.

— Ах, чтоб тебя! — растерянно пробормотал Толя.

Он остановился, не смея идти вперёд, и стал думать, что лучше: плюнуть три раза через плечо и продолжать путь или возвратиться назад и пройти по другой улице. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что его никто не видит, он решил всё же вернуться назад.

«Будто что-нибудь может измениться от того, что я плюну три раза, — рассуждал он. — Раз кошка перебежала дорогу, то тут хоть плюй, хоть не плюй... Хотя если сказать по правде, то, может быть, и сама кошка ничего не значит, да ладно уж, шут с ней! Мне нетрудно по другой дороге пройти, а то на самом деле ещё какая-нибудь неудача получится».

Рассуждая таким образом, Толя вернулся к своему дому и, пройдя по Демьяновской улице до следующего угла, свернул во Второй Каширский переулок. На этот раз он добрался до Ломоносовской улицы без особенных приключений и ещё издали увидел, как из подъезда дома № 14 вышел какой-то мальчик. Сначала Толе показалось, что он очень похож на Славу Огонькова, потом показалось, будто не очень. Мальчик между тем постоял у подъезда, словно о чём-то раздумывал, после чего повернулся к Толе спиной и зашагал в противоположную сторону.

«Ладно, — сказал сам себе Толя. — Я сейчас поднимусь к Славе, и всё станет ясно. Если Слава дома, то это, значит, не он. Если же его дома нет, то тогда это он».

Поднявшись на четвёртый этаж, Толя позвонил у дверей 31-й квартиры. Ему отворила Славина мама.

— А Слава только что ушёл, — сказала она. — Разве ты не встретил его?

— Нет, то есть я видел его издали, да подумал, что это не он. Он ведь сказал, что подождёт меня.

— Он тебя долго ждал, даже сердился, что ты не идёшь. А потом ему позвонил по телефону Женя Зайцев, и Слава сказал, что пойдёт к нему.

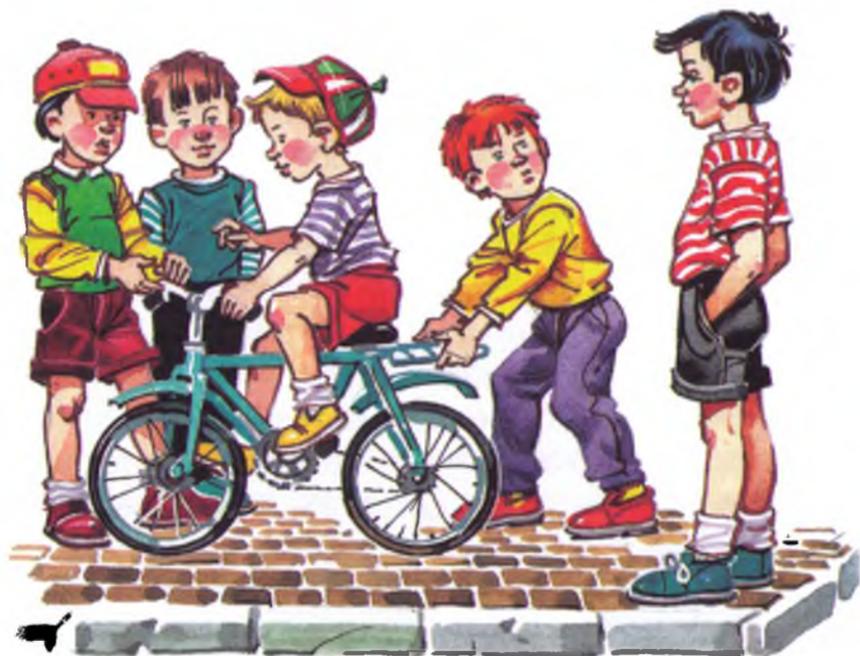
— Свинья какая! Будто уж не мог подождать немножко! — сказал Толя, попрощав-

шись со Славиной мамой и спускаясь по лестнице.

Выйдя на улицу, он постоял у подъезда, раздумывая, что предпринять, потом тоже пошёл к Жене Зайцеву, который жил на Загородном шоссе, то есть довольно далеко от Ломоносовской улицы. Теперь Толе не к чему было спешить. Он шёл, зевая по сторонам и разглядывая всё, что попадалось на пути. На Суворовском бульваре он остановился, чтоб посмотреть на ребят, которые учились кататься на детском двухколёсном велосипеде.

Ребят было четверо, но ни один из них ещё не умел кататься, поэтому они не столько ездили, сколько падали с велосипеда. Нужно сказать, что кататься на этом велосипеде без привычки было довольно трудно, так как он был не совсем обычной конструкции. На обычном двухколёсном велосипеде педали надо крутить только до тех пор, пока машина не разгонится, после чего велосипед едет сам, а педали стоят на месте. На этом же велосипеде педали надо было крутить всё время. Даже когда их можно было уже и не крутить, они сами крутились. Это, наверное, объяснялось тем, что велосипед был устаревшей системы. Его подарил ребятам один жилец, который жил в их доме.

Жильца этого звали Иван Герасимович. Когда Иван Герасимович был ещё ма-

ленький, ему подарил этот велосипед его папа. Потом Иван Герасимович вырос и купил себе настоящий, взрослый, велосипед, а этот велосипед спрятал в сарае. Он думал, что когда-нибудь женится и у него будут дети, тогда он подарит им этот велосипед. Но прошло лет двадцать пять или тридцать, Иван Герасимович так и не женился, а про велосипед забыл. И вот недавно он разобрал у себя в сарае старую рухлядь и увидел этот велосипед.

«Что мне с ним делать? — подумал Иван Герасимович. — Отдам-ка я его ребятам в общее пользование. Всё равно у меня своих детишек нету. Хотя я ещё, может быть, женюсь, но к тому времени велосипед сов-

сем заржавеет, и его надо будет выбросить или сдать в утиль».

Он вытащил велосипед из сарая и сказал ребятам:

— Вот вам, чертенята, велосипед. Он хоть неказистый на вид, зато крепкий. Я в детстве по целым дням катался на нём, а у него, глядите, хотя бы спица сломалась. Словом, катйтесь, ребятки. Доламывайте.

Ребята были очень удивлены и даже не верили, что им дарят велосипед, но потом увидели, что Иван Герасимович не шутит, и очень обрадовались. Сначала они попробовали кататься по двору, но там им было очень больно падать, так как весь двор был вымощен крупным булыжником. Тогда они пошли на бульвар, и здесь их увидел Толя. Он посмотрел, как ребята то и дело кувыркались с велосипеда на землю, и сказал:

— Эх, вы! Кто же так учится кататься! Так и носы расшибёте! На велосипеде надо учиться кататься с горы.

— Почему с горы? — удивились ребята.

— Потому что, когда едешь с горы, велосипед катится сам — педали крутить не надо, и можно учиться держать равновесие. А когда научишься держать равновесие, можно начинать учиться крутить педали. Если же начнёшь учиться сразу и тому и другому, то ничего не получится.

Кто-то из ребят сказал:

— Надо пройти по бульвару дальше, там дорога идёт вниз, то есть с горки.

Все побежали туда, где начинался спуск. Но ни у кого не хватало смелости скатиться на велосипеде с горы.

— Какие же вы трусишки! — сказал Толя. — Ну-ка дайте велосипед, я покажу вам, как надо кататься.

Толя сел на велосипед, оттолкнулся ногой и покатил вниз. Он уже умел немного кататься, и езда на велосипеде не представляла для него трудности. Ребята гурьбой побежали за ним. Они уже начали бояться, как бы он не удрал от них вместе с велосипедом. Велосипед между тем набирал скорость. Педали начали вертеться с такой быстротой, что Толя не успевал крутить ногами. Пришлось ему отпустить педали, но они всё-таки продолжали вращаться и начали бить его по ногам. Тогда Толя расставил ноги широко в стороны и помчался такой раскорякой со страшной скоростью. Неожиданно он увидел впереди малышей, которые играли посреди бульвара. Чтоб не наехать на них, ему пришлось круто повернуть в сторону. На его счастье, в ограде бульвара оказалась калитка. Толя проскочил сквозь неё, в мгновение ока пересек улицу и въехал в ворота дома.

Промелькнув по двору с быстротой молнии, Толя выехал на задворки и со всего

разгона наткнулся передним колесом на толстую чугунную тумбу, которая лежала недалеко от забора. От удара велосипед брыкнул, словно лошадь, и встал торчком. Толя выскочил из седла, перелетел вверх ногами через забор, как акробат в цирке, и шлёпнулся в мусорный ящик, который стоял в соседнем дворе под забором.

Всё произошло так быстро, что Толя не успел опомниться, как уже сидел в ящике. Падая, он зацепился за гвоздь, который торчал в крышке ящика, и разорвал на спине рубашку. Это несколько задержало скорость полёта, к тому же он упал на кучу мягкого мусора, что значительно смягчило

удар. Таким образом, всё обошлось благополучно, если не считать, что в самый последний момент Толя ушибся о стенку ящика лбом.

Придя понемногу в себя, он ощупал рукой ушибленный лоб, и ему показалось, что там у него ссадина или царапина.

Приложив к ссадине носовой платок, Толя стал осматриваться по сторонам, пытаясь разгадать, куда это он попал.

Ребята, которые мчались за велосипедом во весь опор, сильно отстали. Они, однако, успели заметить, как Толя свернул с бульвара и скрылся в чужих воротах. Вскочив в эти же ворота и пробежав в конец двора, они обнаружили валявшийся под забо-

ром велосипед. Увидев, что велосипед не похищен, но сам Толя куда-то исчез, ребята принялись бегать по двору, заглядывать во все уголки и кричать:

— Мальчик! Мальчик!

Но Толя не отзывался. Ребята подумали, что он, должно быть, не захотел больше кататься и ушёл домой. Они взяли велосипед и побежали обратно на бульвар.

Сидя в ящике, Толя слышал, как кричали ребята, но так как они звали его не по имени, то решил, что зовут кого-то другого. Осмотревшись по сторонам и выглянув из мусорного ящика наружу, Толя наконец уяснил себе, куда он попал. Понятно, у него не было большого желания сидеть в таком месте. Убедившись, что кровь из царапины на лбу уже не идёт, он спрятал в карман носовой платок и вылез из ящика.

Перед ним, за деревьями, был виден серый кирпичный дом с высокой аркой в стене. Толя пошёл прямо под эту арку, надеясь выйти на улицу, но попал не на улицу, а в другой двор. Здесь было гораздо красивее, чем там, откуда явился Толя. Посреди двора возвышалась огромная круглая клумба с цветущими астрами, георгинами и яркими, как огоньки, настурциями. Недалеко от клумбы была куча песка, обнесённая с четырёх сторон голубым деревянным заборчиком. Какие-то красивые тихие дети сидели вокруг кучи и лепили из песка пирож-

ки. Они были в ярких, цветастых платяцах и костюмчиках. Издали их тоже можно было принять за цветы. По обеим сторонам песочной кучи были разбиты газоны с аккуратно подстриженной зелёной травкой. Вдоль газонов стояли удобные лавочки, на которых сидели мамы детей. Они мирно беседовали между собой, читали книжки и следили, чтоб детишки хорошо вели себя и не запорошили друг другу песочком глаза.

Позади лавочек была волейбольная площадка с протянутой поперёк неё верёвочной сеткой. Несколько мальчиков и девочек постарше играли в волейбол.

Двор был большой, широкий, окружённый со всех четырёх сторон стенами домов с балконами. На многих балконах пестрели цветы, высаженные в длинных деревянных ящиках. Толя невольно остановился и залюбовался открывшейся перед ним картиной. Всё это было удивительно: и цветы, и газоны с травой, и дети, и большой кожаный мяч, плавно взлетающий над волейбольной сеткой.

«Ах, если бы и мне жить в этом доме! — подумал Толя. — Я бы каждый день глядел на цветочки, на песочную горку с детишками, играл бы с этими мальчиками и девочками в волейбол».

Он грустно вздохнул и как раз в это время увидел, что одна девочка махнула ему рукой, приглашая его поиграть с ними. Толя

подошёл несмело, но уже через две-три минуты вполне освоился среди новых друзей. Ему даже стало казаться, что он знаком с ними чуть ли не тысячу лет. Прошло ещё минут пять, и он уже захватил, как говорится, инициативу в свои руки: подавал команду, когда надо было меняться местами, кричал «аут», «сетбол», «мазила» и другие какие-то непонятные слова. Он всех учил правилам игры, хотя сам не особенно соблюдал эти правила. Кончилось тем, что он не смог взять мяч, который шёл очень низко. Вместо того чтоб отбить мяч рукой, он

стукнул по нему ногой. Удар получился более сильный, чем ожидал Толя, мяч полетел в сторону и попал прямо в окно на втором этаже дома. Осколки стекла со звоном посыпались вниз. Мяч, к счастью, не влетел в окно, а упал тут же рядом.

Первой мыслью Толи было броситься наутёк, но он подавил в себе это желание. Ему казалось нечестным сбежать. Могли ведь подумать, что окно вышиб не он, а кто-нибудь из оставшихся игроков. Между тем один мальчик схватил мяч и, прижимая его к груди, побежал со двора.

— Спасайся кто может! — закричал кто-то.

Все игроки бросились врассыпную.

Увидев, что остался один, Толя решил, что теперь и ему можно бежать, но в тот же момент почувствовал, как его кто-то крепко схватил сзади за шиворот, и чей-то визгливый голос закричал прямо в ухо:

— Ты куда же это мячом садишь, разбойник?! Некуда тебе мячом пулять, окромя как по окнам, лоботряс ты этакий!

Толя обернулся, насколько было можно в его положении, и, скосив глаза, увидел злое лицо старой женщины, с коричневой бородавкой, величиной с горошину, над верхней губой. Одной рукой старуха крепко держала Толю за шиворот, в другой руке у неё была чёрная клеённая сумка с продуктами.

— Я нечаянно, — растерянно пробормотал Толя, стараясь вырваться.

— Я вот те оторву голову нечаянно да вместо стекла в окошко вставлю. Нет на вас, сорванцов, угомону!

— Опять у вас разбили, Дарья Семёновна? — спросила одна из женщин, которые сидели на лавочке возле песочной кучи.

— У нас, милая, а то как же! Уже в третий раз подряд бьют, чтоб их лихоманка была! Стёкол на них не напасёшься. Ты из какой квартиры? — спросила Дарья Семёновна и с силой тряхнула Толю за шиворот.

— Из шестнадцатой, — признался Толя.

— А вот и неправда, — сказала другая женщина. — Я в шестнадцатой квартире всех знаю.

— Так я ведь не в вашем доме живу, — ответил Толя.

— Ах, не в нашем! — со злой усмешкой сказала Дарья Семёновна. — Мало тут наши бьют окна, так ещё не наши приходят будут! Пойдём-ка в домоуправление.

Старуха потащила Толю в домоуправление. Там сидели управдом и счетовод. Управдом что-то писал за столом. Счетовод что-то подсчитывал на арифмометре. Он при этом курил, не выпуская изо рта папиросу, и жмурился от попадавшего в глаза дыма.

Ещё там, на лавочке, у окна, сидел усатый мужчина в сапогах. Он тоже курил папиросу, отчего в комнате стоял дым столбом.

Попав в эту отравленную дымом атмосферу, Толя закашлялся, но Дарья Семёновна бесцеремонно подтолкнула его вперёд и, прикрыв за собой дверь, сказала:

— Вот, окно высадил. Уже в третий раз разбивают, значит. Только было отлучилась в магазин за продуктами, возвращаюсь, а этот как наподдаст мячик ногой. Сама видела. Наши-то все на дачу уехали, денег мне в обрез оставили. Где я теперь на стекольщика два рубля возьму?

— Гм! — промышчал управдом, отрываясь от своих бумаг. — Придётся, дружок, уплатить за стекло два рублика.

- Я принесу, — пролепетал Толя.
- Вот, вот, дружище, пойдика и принеси.
- Так он и принесёт, держи карман шире! — проворчала Дарья Семёновна.
- Честное слово, я принесу, — стал уверять её Толя.
- А ты погоди со своим честным-то словом! Уйдёшь, только тебя и видели!
- Верно, — сказал управдом. — Надо записать его адрес. Как твоё имя, фамилия?
- Толя Клюквин.
- Где живёшь? Говори адрес.
- Демьяновская улица, дом десять, квартира шестнадцать.
- Ну так вот, Толя Клюквин, не принесёшь два рубля на стекольщика, мы тебя по этому адресу живо найдём. Понял? — сказал управдом, записав Толин адрес.
- Найдёшь его, держи карман, — сказала недоверчивая старуха. — Он тебе наврёт с три короба, только записывай.
- Управдом покосился на Дарью Семёновну.
- Ну, это нетрудно проверить, — ответил он. — Демьяновская, десять. Это какое же домоуправление будет?.. Кажется, двадцать девятое...
- Управдом полистал лежавшую перед ним тетрадь со списком домоуправлений, снял телефонную трубку и набрал номер.
- Алло! — закричал он, подождав с минутой. — Это двадцать девятое?.. Посмотрите там по домово́й книге, живёт у вас в шес-

тнадцатой квартире Толя Клюквин? Как?.. Живёт?.. Ну спасибо... Что натворил?.. Да ничего особенного. Стекло здесь одной гражданке высадил... Ну, бабушка, вы не беспокойтесь, — сказал он, обращаясь к Дарье Семёновне и кладя трубку на место. — Теперь он от нас не скроется. Всё правильно.

— То-то и подозрительно, что всё правильно, — сказал усатый мужчина, который сидел на лавочке. — У нас тут в четвёртом отделении милиции случай был. Задержал милиционер мальчишку: прыгал на ходу из трамвая, а штраф отказался платить. Ну, его, естественно, милиционер в отделение привёл. Там, естественно, спрашивают: «Как фамилия?» Он говорит: «Ваня Сидоров», — то есть не свою фамилию назвал, а одного своего знакомого мальчика. Его спрашивают: «Где живёшь?» Он им и адрес этого Вани Сидорова дал. Те стали звонить из милиции в домоуправление: живёт, мол, там у вас Ваня Сидоров? Им говорят: «Живёт». Ну те, что ж, отпустили этого Ваню Сидорова, то есть не Ваню Сидорова, а этого мальчишку, который Ваней Сидоровым назвался, а на другой день послали родителям настоящего Вани Сидорова повестку, чтоб уплатили за своего сына штраф. Ну, родители, конечно, на Ваню набросились. «Что же ты, говорят, такой-сякой, с подножки на ходу прыгаешь? Штраф теперь за

тебя плати!» Парнишка, конечно, расстроился, в слёзы: «Не прыгал я!» — «А, так ты ещё врать, такой-сякой!» Бедный парень уверяет, клянётся. Заболел, понимаете, от такого недоверия. Родители видят — что-то не то получается. Не стал бы мальчонка так сильно расстраиваться, если б правда. Отец, естественно, побежал в милицию. «Мы, говорит, сыну верим. Наш Ваня не станет на ходу из трамвая прыгать. Он хороший». Ему говорят: «Они все хорошие, когда дома сидят». Отец говорит: «Всё равно я не стану штраф платить». — «А не заплатите, говорят, судить вас будем».

Через неделю там или другую вызывают отца на суд. Отец приходит. «Товарищи, говорит, это что же такое? Не прыгал ведь он». — «Как, говорят, не прыгал, когда тут всё: и имя, и фамилия, и адрес, — всё точно записано». Хотели отцу присудить пятнадцать суток ареста за то, что плохо сына воспитывает и штраф не хочет платить, да спасибо, кто-то надоумил вызвать в качестве свидетеля того милиционера, который задержал Ваню, когда он с подножки прыгал.

Ну, вызвали, естественно, милиционера, показали ему Ваню.

Милиционер посмотрел и говорит: «А я уж и не помню, какой тот мальчишка-то был, да, сдаётся мне, этот Ваня не тот мальчик, что я задержал». Потом он ещё пригляделся к нему и говорит: «Да, теперь я точно

вижу, что это не тот». Так эта история ничем и кончилась. А могли Ваниного отца на пятнадцать суток арестовать ни за что ни про что. А того парнишку, который Ваней Сидоровым назвался, так и не нашли.

— Да, найдёшь его! — сказал управдом. — Видно, стреляный воробей оказался.

— Ещё какой стреляный! — подхватил усатый мужчина. — Обычно мальчишка наврёт с три короба, а всё без толку: выдумает и номер дома, и квартиру, и улицу. Станут в домоуправление звонить, а там во всём доме и квартиры-то такой нет, или живёт в ней кто-то другой. Вот тут-то он и попался. А этот всё верно сказал, только не про себя, а про Ваню Сидорова.

— Этак-то, — сказала Дарья Семёновна, — каждый разобвёт тебе стекло и скажет: я, дескать, Ваня Сидоров, живу там-то и там-то. Потом иди получай с Вани Сидорова.

— Гм! Вот видите, бабушка, какая оказия, — сказал управдом, пытливо взглянув на Толю. — Может быть, он на самом деле Ваня Сидоров, то есть... тьфу!.. как, ты сказал, твоя фамилия?

— Толя Клюквин, — ответил Толя.

— Вот, вот. Может быть, он на самом деле Толя Клюквин, а может, и кто другой. Тут, как видите, по-всякому бывает. Идите-ка вы с ним лучше в милицию, там поточней разберутся.

— Зачем в милицию? — взмолился Толя. — Я вам говорю правду.

— «Правду, правду!»! — проворчала с досадой старуха. — Жди от вас правды-то!

Она схватила Толю за руку чуть выше локтя и потащила на улицу. Толя семенил рядом с ней, пугливо оглядываясь по сторонам. Ему казалось, что прохожие с любопытством глядели на него и догадывались, что его ведут в милицию, наверное, думали, что он вор.

Толя ни разу ещё не попадал в милицию, и ему очень не хотелось идти туда. Он рванулся что было силы, но старуха ещё крепче впилась своими цепкими пальцами в его руку.

— За что вы его? — спросила шедшая навстречу женщина.

— Стекло в доме расшиб.

— Куда же вы его теперь?

— А в милицию. Куда же ещё?

— Пустите меня! — просил Толя, стараясь вырваться.

Но старуха держала его как клещами.

— А ты не трепыхайся, — твердила она. — От меня всё равно не уйдёшь.

— Пустите! — просил Толя. — Я сам пойду. Не надо меня держать. Я не убегу.

— Так я тебе и поверила.

Убедившись, что ему не вырваться из рук Дарьи Семёновны, Толя решил пойти на хитрость. Он видел, что она могла держать

его только одной рукой, так как в другой у неё была сумка с продуктами.

«Когда-нибудь рука у неё устанет, и она не сможет меня так крепко держать», — решил Толя.

Он перестал вырываться и некоторое время шёл спокойно, как бы примирившись со своей участью. Усыпив таким образом бдительность старухи, он неожиданно рванулся и, оказавшись на свободе, бросился удирать.

— Стой! Стой! — закричала Дарья Семёновна, бросаясь за ним вдогонку. — Стой, говорят тебе! Держите его!

Встречные пешеходы останавливались, не зная, надо им ловить Толю или не надо. Один гражданин хотел было его схватить, но Толя ловко шмыгнул у него под рукой и, повернув с тротуара, помчался по мостовой. Здесь ему не угрожали встречные пешеходы и он мог развить гораздо большую скорость. Дарья Семёновна тоже побежала по мостовой, но тут же чуть не угодила под грузовую машину.

— Стой! — закричала она, бросившись обратно на тротуар. — Остановись сейчас же! Попадёшь под машину!

Но Толя не слушал её. Он выбежал на перекрёсток и понёсся через дорогу. Дарья Семёновна увидела мчавшийся наперерез Толе трамвай и остановилась на углу улицы. Внутри у неё всё похолодело. Ей казалось, что Толя вот-вот угодит под трамвай. Но вагоновожатый, увидав Толю, замедлил ход. Толя перебежал через рельсы, но с другой стороны к нему уже приближался автомобиль. Бежать назад было поздно. Раздался визг тормозов. Автомобиль ткнул Толю в плечо и тут же остановился. Толя упал. Дарья Семёновна уронила на землю сумку и закрыла лицо руками.

Вокруг Толи моментально образовалась толпа. Какой-то гражданин сейчас же подбе-

жал к телефонной будке и стал вызывать «скорую помощь». Толя между тем поднялся на ноги.

— Больно ушибся? — спросил его кто-то. — Ты не ранен?

— Нет, — замотал головой Толя.

Шофёр вылез из кабины и подбежал к Толе:

— И откуда ты взялся посреди мостовой, пострелёнок? Больно тебе?

— Нет, не больно.

Шофёр схватил его обеими руками, потрогал за локти, за плечи:

— Нигде не болит?

— Нигде. Я испугался просто.

— «Испуга-а-лся!»! — Лицо шофёра расплылось в улыбке. — Скажи спасибо, что я затормозить успел вовремя.

Тут подошёл милиционер.

— Что с мальчиком? — спросил он шофёра.

— Счастливый случай, товарищ милиционер. Можно сказать, отделался лёгким испугом.

— Вот как!

В это время сквозь толпу пробралась Дарья Семёновна. Руки у неё тряслись от страха, губы дрожали. Увидев, что Толя как ни в чём не бывало стоит возле автомашины, она бросилась к нему и заголосила:

— Живой, гляди-ка! Ах ты мой милы-ы-й!

Толя увидел старуху и метнулся от неё в сторону. Однако вокруг плотной стеной стояла толпа, и ему некуда было бежать.

— Да ты что, милый! — замахала руками старуха. — Да разве ж я тебя трону? Товарищ милиционер, это я, честное слово, я во всём виновата. Это он от меня, окаянной, с испугу под машину бросился. И всё из-за стекла этого, будь оно трижды неладно!

— Это верно, — сказал кто-то в толпе. — Я лично видел, как эта старушенция гналась за ним, словно разъярённая фурия.

— Ну что ж, мы так и запишем, — сказал милиционер и начал писать протокол.

— Пиши, милый, пиши! А ты, голубчик, не бойся, — обратилась старуха к Толе. — Я на тебя за стекло не в обиде, чтоб оно сгорело, век бы его не видать! Ты, миленький, приходи к нам, играй с ребяташками в этот свой мячик. А стёкла-то эти, бей их хоть каждый день, разве я что скажу!

Тут неподалёку остановилась машина «скорой помощи», и из неё вышла женщина в белом халате.

— Где пострадавший? — спросила она, подойдя к толпе. — Кого здесь машиной сшибло?

— Да вон мальчонку, — ответил ей кто-то.

Толпа моментально расступилась, и женщина подошла к Толе:

— Ну-ка, держись руками за мою шею, я тебя в санитарную машину снесу.

— Да он здоровёхонек, — с усмешкой сказал шофёр. — Ничего ему не сделалось.

— Это вы так думаете, — строго сказала женщина. — А я вижу, что у мальчика лоб разбит.

— Так это я не сейчас, — сказал Толя. — Это я поранился, когда в мусорный ящик упал.

— В какой такой мусорный ящик?

— Ну, когда с ребятами на велосипеде катался.

Женщина схватила Толю в охалку и понесла к санитарной машине.

— Куда же вы его? — сказала Дарья Семёновна. — Он же сказал, что об мусорный ящик поранился.

— А по-вашему, если об мусорный ящик, то и лечить не надо? Ему поскорей надо укол против столбняка сделать.

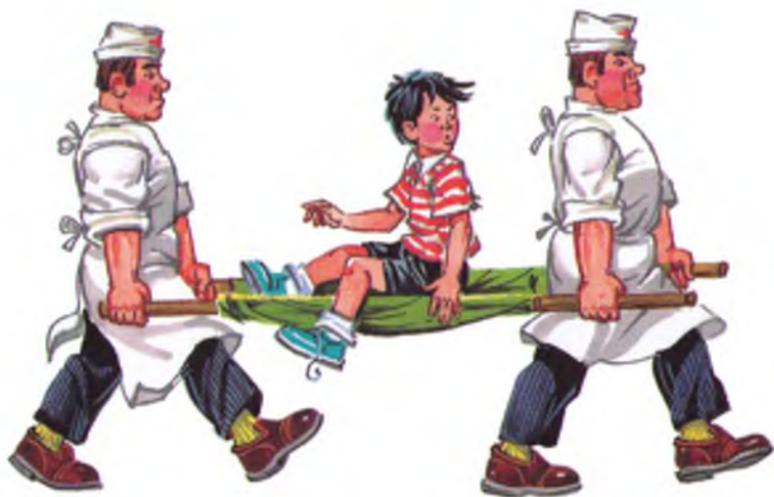

— Ну что ж, на то вы и врачи, чтоб знать, против чего укол делать, — сказала Дарья Семёновна. — А ты, миленький, приходи к нам в мячик играть, когда поправишься! — закричала она и помахала Толе рукой.

Через минуту Толя уже ехал в санитарной машине. Женщина уложила его на носилки, а сама села рядом на лавочке.

— Вот приедем в больницу, доктор осмотрит тебя, тогда можно будет и ходить, и бегать, а сейчас пока полежи, — говорила она.

В окно санитарной машины были видны только верхние этажи зданий, и Толя никак не мог догадаться, по каким улицам они ехали. Но не это его тревожило. Больше всего его волновало то, что ему должны были сделать укол. Он боялся, что будет больно.

Скоро машина повернула в ворота лечебницы и остановилась у подъезда. Два санитары открыли дверцы и начали вытаскивать из машины носилки. Толя хотел вскочить на ноги, но один из санитаров строго сказал:

— Лежи, лежи смирненько!

И они понесли Толю в больницу. Толе, однако, хотелось видеть, куда это его не-

сут, и, вместо того чтоб спокойно лежать, он сидел на носилках и вертел во все стороны головой.

— И что за парень попался такой упрямый! — ворчал санитар, который шагал сзади. — Ему говорят — лежи, а он тут как ванька-встанька.

Пройдя по коридору больницы, санитары внесли Толю в большую светлую комнату с белыми стенами и высоким потолком. Здесь, как и в коридоре, пахло йодом, карболкой и другими медикаментами. Один из санитаров легко схватил Толю под мышки и положил на высокую твёрдую койку, застеленную холодной белой клеёнкой.

— Лежи тут. Сейчас доктор придёт, — сказал санитар тихо и для чего-то погрозил Толе пальцем.

Толя остался лежать. Ему было страшно. Доктор почему-то долго не приходил. Толе уже стало казаться, что о нём все забыли, но через некоторое время дверь отворилась, и вошёл доктор вместе с медицинской сестрой.

Доктор был старенький и весь белый: в чистом белом халате, в белом колпаке на голове, с белыми седыми бровями, а на носу очки. Он любил говорить слово «ну-с», обращался к Толе на «вы» и называл его молодым человеком:

— Ну-с, молодой человек, как же это вы под машину попали?

Не дожидаясь Толиного ответа, он вставил себе в уши две тонкие резиновые трубочки и приложил Толе к груди какую-то круглую металлическую штучку.

— Ну-с, попрошу вас дышать, молодой человек. Так... дышите поглубже... ещё дышите... — приговаривал он, прикладывая металлическую штучку к груди то справа, то слева.

Потом поднёс Толе к носу палец:

— А теперь попрошу вас смотреть на кончик моего пальца. — И стал водить пальцем в разные стороны.

Толя вертел глазами то вправо, то влево, то вверх, то вниз, старательно следя за докторским пальцем.

После этого доктор ощупал Толю со всех сторон, постукал по коленкам резиновым молоточком с блестящей металлической ручкой и, обратившись к медицинской сестре, спросил:

— У вас всё готово, Серафима Андреевна?

— Всё готово, — отозвалась она.

— Ну так приступайте, — приказал доктор.

«Батюшки! К чему это она приступать будет?» — подумал Толя.

От страха у него завертелись в глазах оранжевые круги и похолодело внутри.

— Не надо мне делать укол! — взмолился он. — Я больше не буду!

— Глупенький! Кто тебе сказал, что я буду делать укол? Я вовсе не буду.

С улыбкой Серафима Андреевна подошла к Толе, пряча за спиной шприц, который держала в руке. Свободной рукой она перевернула Толю на бок и как бы в шутку ущипнула пальцами за спину.

— Ай! — завизжал Толя, почувствовав, как игла шприца впилась в его тело.

— Тише, голубчик, тише! Всё уже! Не кричи! Уже ведь не больно!

— Да, не больно! — плаксиво ответил Толя.

— Теперь пусть он полежит полчаса, и можете отправить его домой. Только не забудьте помазать ему йодом ранку на лбу, — сказал доктор и вышел из комнаты.

Серафима Андреевна помазала Толе ссадину на лбу йодом, потом присела к столу и стала что-то писать в тетради.

— Тебя как звать-то? — спросила она.

Толя хотел сказать, что его зовут Толя, но почему-то сказал, что его имя Слава, а когда Серафима Андреевна спросила, как его фамилия, он, вместо того чтоб сказать Клюквин, ответил, что его фамилия Огоньков, то есть назвал имя и фамилию своего приятеля Славы Огонькова, к которому шёл утром, когда кошка ему дорогу перебежала.

— Красивая у тебя фамилия, — сказала Серафима Андреевна, записывая имя

и фамилию Славы Огонькова. — А где ты живёшь?

Вместо того чтоб сказать, что он живёт на Демьяновской, дом 10, квартира 16, Толя сказал, что живёт на Ломоносовской, дом 14, квартира 31, то есть опять-таки дал адрес не свой, а этого самого Славы Огонькова.

Впоследствии Толя и сам не мог объяснить, почему он соврал. Должно быть, он вспомнил в этот момент, как никто ему не поверил в домоуправлении, когда он говорил правду, ну, а раз никто не верит, то чего ж ему и стараться! К тому же он очень боялся, как бы из больницы не сообщили матери про всё, что случилось.

Таким образом, Толя поступил в точности, как тот мальчик, про которого слышал в домоуправлении. Если бы он не слышал про этого мальчика, ему бы и в голову не пришло называться чужим именем и давать чужой адрес, но поскольку он слышал, то ему тут же и пришло всё это в голову.

— Ломоносовская улица — это не близко, — сказала Серафима Андреевна. — У вас дома есть телефон?

У Толи дома телефона не было, но он вспомнил, что в квартире у Славы телефон был, и поэтому сказал, что телефон есть.

— А какой номер? — спросила Серафима Андреевна.

— Номер, номер... — забормотал Толя, морща изо всех сил лоб. — Номер не помню.

— Как же ты своего телефона не помнишь? — усмехнулась Серафима Андреевна. — Видно, так испугался, когда под машину попал, что и номер забыл. Ну ничего, я сейчас посмотрю в справочнике.

— А зачем вы хотите по телефону звонить? — испуганно спросил Толя.

— Надо же сказать твоей маме, чтобы пришла за тобой. Я бы сама отвела тебя домой, но мне нельзя отлучаться с работы.

— Будто я сам не найду дороги домой! — сказал Толя. — Зачем меня ещё отводить!

— Нет, голубчик, я тебя не могу отпустить одного. Вдруг ты снова угодишь под машину!

Серафима Андреевна принялась листать телефонную книгу.

— Вот, — сказала она, отыскав нужную страницу. — Огоньков, Ломоносовская улица, дом четырнадцать, квартира тридцать один.

Она протянула руку к телефонному аппарату, сняла трубку и принялась набирать номер. Толя с тревогой наблюдал за её действиями и ждал, что из всего этого выйдет. Единственная его надежда была на то, что у Славы не окажется никого дома. Однако надежда эта оказалась напрасной. Через полминуты Серафима Андреевна уже разговаривала со Славиной мамой.

— Алло! Это гражданка Огонькова? — кричала она в телефонную трубку. — С вами говорят из больницы. Вам надо прийти за сыном. Да, да, за сыном, за Славой... Что с ним?.. Да с ним ничего. Он лежит тут... Да вы не волнуйтесь. С ним ничего, честное слово, ничего... Ну, а лежит потому, что ему противостолбнячный укол сделали... Противостолбнячный... Да... Зачем укол?.. Ну, вы ведь знаете, что при ранении всегда полагается укол против столбняка делать... Да нет! Какое ранение! Кто вам говорит про ранение?

Он вовсе не ранен... Да не ранен, говорят вам! Просто царапина. Заживёт к вечеру... Да я не обманываю вас, честное слово, я говорю правду. Царапина! Абсолютно никакого ранения... Что?.. Царапина отчего?.. Ну, попал под машину, то есть не попал под машину, а его сшибло, то есть не сшибло, что это я говорю, — он сам упал, а машины даже близко не было, честное слово... Да нет, что вы такое выдумываете! Я не успокаиваю вас. Он живой, честное слово, живой. Да что вы поднимаете раньше времени панику! Вот он лежит тут, честное слово, лежит, что я, врать буду! Приезжайте, сами увидите...

Что? Куда приезжать?.. Тургеневская, дом двадцать пять.

Серафима Андреевна положила трубку и, улыбнувшись, сказала Толе:

— Ну вот, как удачно всё вышло. Сейчас твоя мама здесь будет.

Услыхав эту новость, Толя моментально соскочил с койки, но Серафима Андреевна уложила его обратно.

— А ты лежи. Зачем же вставать? После укола всегда полежать надо. Мама придёт, вместе домой отправитесь.

Толя лежал и старался представить себе, как он будет выпутываться, когда Славина мама придёт и увидит его вместо Славы.

«Может быть, признаться Серафиме Андреевне, что я вовсе не Слава?» — думал Толя.

Однако он никак не мог решиться признаться, а потом Серафима Андреевна вышла из комнаты, и её долго не было. Увидев, что она не возвращается, Толя решил, что теперь самое лучшее будет — это удрать отсюда. Он уже представлял себе, как Серафима Андреевна и Славина мама войдут в комнату и, увидев, что его нет, начнут

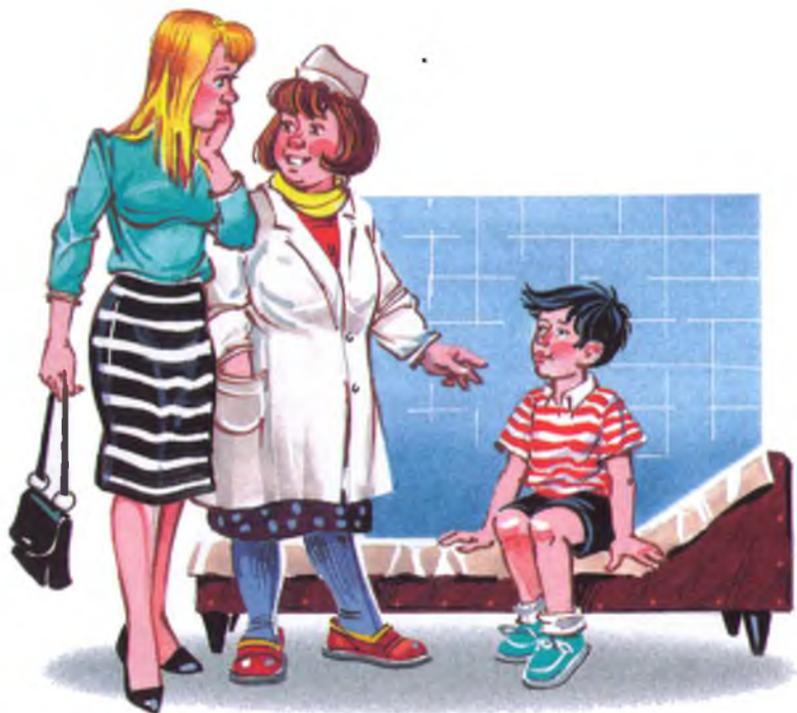

искать по всей больнице; Славина мама, конечно, испугается ещё больше, но в конце концов она всё же вернётся домой, увидит Славу и успокоится.

Продумав всё это, Толя поднялся на койке и уже опустил ноги вниз, чтоб соскочить на пол, но в это время дверь открылась, и в комнату вошла Серафима Андреевна, а за ней Славина мама. Лицо у неё было бледное и встревоженное.

— Ну, вот видите, — сказала Серафима Андреевна. — Он жив и вполне здоров, и даже смеётся.

Толя сидел на койке и глупо улыбался, глядя на Славину маму.

— Где же мой сын? — спросила Славина мама, обводя комнату растерянным взглядом и как бы не замечая Толю.

— Да вот же, — весело сказала Серафима Андреевна, махнув рукой в сторону Толи. — Неужто не признали своего сына?

— Где мой сын? — глухо повторила Славина мама. — Толя, где Слава?

— Не знаю, — пробормотал Толя.

— Вы ведь вместе были у Жени Зайцева. Куда вы от него пошли? Толя, не скрывай от меня ничего!

— Да какой он Толя! Он Слава, — сказала Серафима Андреевна.

— Кто — Слава? — удивилась Славина мама.

— Да он же. Кто же ещё?

— Слушайте, что всё это значит? Вы скажете наконец, где мой сын?

— Так разве Слава не ваш сын?

— Слава мой сын, но ведь это не Слава, а Толя! Толя Клюквин, понимаете? Сколько раз повторять вам! Я, кажется, с ума сойду!

— Что же ты сказал мне, что тебя зовут Слава Огоньков? — напустилась Серафима Андреевна на Толю. — Вы меня, гражданка, простите, но я не виновата. Он мне сказал, что он Огоньков, я и позвонила вам. Ты зачем сказал, что ты Огоньков, когда ты вовсе не Огоньков? Ты что, не в своём уме, такие шутки шутить? Или ты, может, испугался, когда под машину попал? Вы его не

вините, гражданка, должно быть, он от испуга не то, что надо, сказал. Это бывает.

— Да я разве виню? Я никого не виню. Я только хочу узнать, где мой сын?

— Гражданочка, откуда же я могу знать, где ваш сын? Разве вы не видите, что вашего сына у нас нет?

— Значит, он не попал под машину?

— Должно быть, ещё не попал, — разве ла руками Серафима Андреевна. — Думаю, что, если б попал, его бы к нам привезли.

— Слушай, Толя, — обратилась Славина мама к Толе. — Ты мне скажи только, когда вы со Славой ушли сегодня от Жени?

— А я разве был сегодня у Жени? — спросил Толя.

— А разве нет? Мне показалось сегодня утром, что ты тоже к Жене пошёл.

— Я пойти-то пошёл, но дойти-то не дошёл. Я не попал к нему, потому что сюда вот попал.

— Так, может быть, Слава и сейчас у Жени сидит? Ты не помнишь телефон Жени?

— Нет.

— Ну, телефон можно по телефонной книге узнать, — сказала Серафима Андреевна.

Она быстро разыскала в телефонной книге телефон Жени Зайцева. Славина мама сейчас же позвонила, и оказалось, что Слава был там. Поговорив со Славой

и приказав ему возвращаться домой, она успокоилась и попросила Серафиму Андреевну дать ей немножечко валерьяновых капель. Серафима Андреевна нажала ей валерьянки в стаканчик и сказала:

— Теперь надо бы позвонить Толиной маме, чтобы пришла за ним.

— Нет, нет, — сказала Славина мама. — Не надо Толиной маме звонить, а то вы её до смерти перепугаете.

— Что вы! Зачем же я стану пугать? Уж я знаю, как надо.

— Нет, я лучше сама отведу Толю домой. Да у них, кстати, и телефона нет.

Сказав это, Славина мама взяла Толю за руку и, попрощавшись с Серафимой Андреевной, вышла на улицу.

— Как же так получилось, что ты в больницу попал? — спросила она.

Толя стал рассказывать по порядку, как отправился утром к Славе, но вернулся назад, потому что ему перебежала дорогу кошка, а поэтому он опоздал и не застал Славу дома; как пошёл потом к Жене, но по дороге стал кататься на велосипеде и упал в мусорный ящик, потом играл с ребятами в волейбол, разбил мячом окно, по-

пал в руки злой бабке, которая потащила его в милицию, а он от неё вырвался и побежал через дорогу, и его чуть не задавил автомобиль, после чего его отвезли в больницу и сделали укол против столбняка. Славина мама не могла сдержать на лице улыбку, слушая весь этот невероятный рассказ.

Потом она сказала:

— Какой же ты чудной человек! Ну скажи, пожалуйста, что было бы, если бы ты не обратил внимания на то, что тебе перебежала дорогу кошка, а пошёл бы спокойно своей дорогой?

— Да что было бы?.. Ничего, наверное, и не было бы, — ответил Толя. — Я застал бы дома Славу, мы играли бы с ним дома в шахматы, и я не пошёл бы к Жене, не разбил бы окно, не удрал бы от бабки и не попал бы под машину.

— Вот видишь! Это всё из-за того, что ты человек с предрассудками и веришь в разную чепуху.

— А это что — предрассудки?

— Не знаешь, что такое предрассудки? — усмехнулась Славина мама. — Постараюсь тебе объяснить. Ты, наверное, знаешь, что когда-то человек был ещё очень дикий, необразованный, не умел правильно рассуждать, не понимал многого, что происходит вокруг. Когда происходило затмение Солнца, он, не умея объяснить это неожиданное явление, пугался и воображал,

что оно предвещает какое-нибудь бедствие, а когда ему неожиданно перебежала дорогу кошка или другое животное, он думал, что это тоже сулит какую-нибудь неудачу. Так появились многие предрассудки, а предрассудками они названы потому, что возникли ещё перед тем, как человек научился пра-

вильно пользоваться своим рассудком, или умом.

— Так лучше их назвали бы не предрассудками, а передрассудками, — сказал Толя.

— Ну, это всё равно, что «пред», что «перед», — сказала Славина мама. — Принято говорить «предрассудки». Ну вот. Мы с тобой прекрасно знаем, что во время солнечного затмения Луна заслоняет Солнце, и это не может предвещать ничего плохого. Что же может случиться с человеком плохого, если ему перебежит дорогу кошка?

— Ну что может случиться? Наверное, ничего, — ответил Толя. — Человек ходит сам по себе, а кошка бежит сама по себе.

— Вот видишь, ты это понимаешь, — сказала Славина мама. — Плохо будет только тогда, когда человек из-за какой-нибудь чепухи, вроде кошки, станет делать не то, что должен. Представь себе, что у тебя есть друг. И вот твой друг попал в беду. Ты спешишь на помощь ему, но как раз в этот момент тебе перебежит дорогу кошка. Что ты сделаешь? Повернёшься и пойдёшь назад, вместо того чтоб выручать друга?

— Нет, я буду выручать друга.

— Правильно! Человеку всегда надо делать то, что велит ему долг, а не то, что велит ему вера в кошку или в другую какую-нибудь ерунду. Ты вот шёл утром к Славе, потому что обещал встретиться с ним, значит, твой долг был идти к нему, а ты из-за

какой-то ничтожной кошки стал петлять по улицам, так что в конце концов чуть под автомобиль не попал.

Пока Славина мама объясняла всё это Толе, они дошли до Ломоносовской улицы. Увидев, что они очутились возле Славиного дома, Толя сказал:

— Не надо меня провожать дальше. Теперь я сам дорогу домой найду.

— Ну, иди сам, — согласилась Славина мама.

Толя свернул в Третий Каширский переулок и зашагал к своему дому. Он шёл и думал:

«Вот какая чепуха может выйти из-за всех этих предрассудков! И ещё хорошо, что всё хорошо кончилось! Не затормози шофёр вовремя, и всё кончилось бы гораздо хуже».

Неожиданно его рассуждения были прерваны появлением рыжей полусибирской кошки, которая выскочила из-за угла дома и, распушив хвост трубой, быстро побежала через дорогу. Толя вздрогнул от неожиданности и остановился как вкопанный.

«Вот уж как не повезёт с утра, так целый день не будет везти! — с досадой подумал он. — Что теперь делать? Если идти в обход, то снова какая-нибудь ерунда случится: или в мусорный ящик свалишься, или кирпич на голову упадёт. Так и во веки веков домой не дойдёшь!»

Он нерешительно посмотрел по сторонам и сказал сам себе:

«Нет, с этим пора кончать! Что я, человек или не человек? Я человек! А человек — существо умное, гордое. Он запускает в космос ракеты, покорил атомную энергию, выдумал думающую машину. Человек не может зависеть от какой-то старой, облезлой кошки и всегда должен делать то, что велит ему долг. А что мне велит долг? Мой долг велит мне идти домой обедать, потому что мама уж давно ждёт меня и, наверное, волнуется».

Славина мама долго стояла на углу улицы и смотрела вслед Толе. Она боялась, как бы с ним не случилось ещё чего-нибудь. Она видела, как он почему-то остановился посреди тротуара, постоял в нерешительности некоторое время, потом вдруг махнул рукой и, подняв гордо голову, бодро пошёл вперёд.

Содержание

ТУК-ТУК-ТУК	3
ОГОРОДНИКИ	14
ПРО ГЕНУ	31
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОЛИ КЛЮКВИНА	48

Носов Н. Н.

Н 84 Тук-тук-тук : рассказы / Николай Носов ; [ил. Владимира Канивца]. — М. : Эксмо, 2012. — 96 с. : ил. — (Книги — мои друзья).

УДК 82-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Носов, текст, художественные образы, 2011
© Издание И. П. Носова, 2011
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-48283-2

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

КНИГИ — МОИ ДРУЗЬЯ

Носов Николай Николаевич

ТУК-ТУК-ТУК

Рассказы

Художник Владимир Канивец

Ответственный редактор *В. Карпова*
Художественный редактор *И. Лапин*
Технический редактор *М. Печковская*
Компьютерная верстка *С. Пяташ*
Корректор *Н. Гайдукова*

Издание И. П. Носова
121165, Москва, а/я 10

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 27.06.2012.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура «TextBook». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,0.
Доп. тираж 10 000. Заказ № 4113/12.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-699-48283-2

9 785699 482832 >

**Всем хорошим во мне
я обязан книгам.**

М. Горький

Чтение – вот лучшее учение!

А. С. Пушкин

Тук-тук-тук
Огородники
Про Гену
Приключения Толи Клюквина

ISBN 978-5-699-48283-2

9 785699 482832 >

ЭКСМО

Незайка®

интернет-магазин
OZON.RU

75823831